

В эвакуации в провинциальном Симбирске

(Продолжение. Начало в № 2-2014)

По страницам дневника А.В. Жиркевича. 1918–1919 гг.

Илья Репин. Жиркевич А.В. 1891

1918 г.

10 января. Вчера утром, идя на почту, в первый раз видел «красногвардейцев» на улицах Симбирска. Это рабочие с местного патронного завода в числе нескольких сот человек, явившиеся на помощь большевикам. Я видел их в качестве охраны Дома Свободы, разгуливающими по городу группами. Большинство – зелёная молодёжь, безусая, цветущая... Вид глупо-победоносный...

Так как я единственный генерал в городе, хоть и снявший погоны с пальто, но носящий лампасы на штанах (других шаровар у меня нет), то я давно обращаю на себя внимание солдат и черни, недружелюбно разглядывающих мой костюм...

11 января. Сейчас 5 часов утра. Все в доме спят. Бедная моя Каташа, взявшая на себя столько забот и тревог для того, чтобы удешевить нашу жизнь,

скрасить её и направить к возможному благополучию, бредит, и я слышу, как во сне, глубоко вздохнув, она произносит с глубоким чувством: «Господи Иисусе Христе, сыне Божий! Помилуй нас грешных». Нужда заставляет нас распродавать вещи, и я, со вздохом, принялся за мои коллекции...

12 января. Получил от А.Ф. Кони письмо. Привожу здесь как ужасный человеческий документ: «Многоуважаемый Александр Владимирович. Благодарю за приветствие, полученное мною сегодня. Увы, если у вас жить возможно, если есть средства, то я в Симбирск не поеду, ибо, будучи «упразднённым» сенатором, не получаю после 53 1/2 лет службы ни пенсии, ни эмеритуры, ни жалованья и вынужден продавать свои вещи, мне очень дорогие по воспоминаниям. Никаких надежд на благополучие родины не имею, изверившись в озверевший народ и импотентную интеллигенцию. Мы долго жили в области иллюзий – пора взглянуть в лицо правде. Желаю Вам всего хорошего и благодарю за память. Ваш преданный А. К.». Это письмо ударило мне в сердце, как нож...

24 января. Заводы закрываются. Железнодорожное сообщение делается невозможным. По деревням идёт резня. Много земли к весне окажется незасеянной... Царь-голод с подругами своими эпидемиями идёт победно и ждёт времени только для того, чтобы послужить царице смерти... И это в России, житнице Европы!..

4/17 марта. Мотовилов (Мотовилов А.А. – симбирский помещик, бывший член Государственной Думы. – Н. Ж.) рассказывал о том варварстве, с каким большевики хватили больных стариков и старух для того, чтобы выжать из них деньги-откуп. Мою знакомую, больную, с переломанной ногой Кирпичникову выволокли на матраце. Она едва откупилась от тюрьмы 50 тысячами. Нашу соседку-старуху купчиху Пирогову, алкоголичку, посадили-таки в тюрьму, где она в пьяном виде стала плясать и паясничать на радость арестанткам.

5/18 марта. Провёл вчера вечер у Яковлевых... Прежние заслуги И.Я. Яковлева забыты, и его, как «буржуя», травят, не давая ему даже умереть спокойно в своём углу... Рассказывал мне Яковлев много интересного про семью диктатора нашего времени Ульянова-Ленина, которую знал хорошо. О Владимире он отзывался очень симпатично. Ему совершенно непонятно, как мог тот вылиться в такого уродо-анархиста. Хорошо он отзывался и о казнённом его брате, замешанном в историю о покушении на жизнь императора Александра III. Когда старший Ульянов был приговорён к смертной казни, то мать его явилась к Яковлеву, валялась у него в ногах и умолила написать к Ильминскому о том, чтобы тот вмешал в эту историю министра народного просвещения Делянова (в смысле ходатайства о замене смертной казни). Яковлев исполнил её просьбу. Несчастливая мать Ульянова долго ещё обивала пороги в надежде спасти жизнь сына. Она, не зная о его смерти, долго ещё страдала надеждами на спасение...

Каким образом Ульянов Владимир, нынешнее горе и язва России, обратился в Ленина, Яковлев не знает. Яковлев был у его отца, когда тому вдруг стало нездоровиться. Он сказал Яковлеву, что его как-то особенно знобит. Яковлев ушёл. А вдвоём за ним прислали сказать, что старик Ульянов умер.

1 апреля/19 марта. Когда я шёл к Мотовиловым, то на Гончаровской улице встретил пьяного солдата. Увидев мои лампасы, он стал кричать: «А вот идут бывшие генералы!» Видимо, ему хотелось придраться ко мне, оскорбить меня, но я спокойно, с усмешкой оглядел его фигуру и прошёл далее (он пересекал мне дорогу). Тогда солдат, видимо, опомнившись, смущённо, уже пониженным тоном сказал мне вдвоём: «Здравия желаем!» Но я ничего не ответил...

2 апреля. Очевидцы передавали, что вчера вечером на Гончаровской улице солдатская вольница срывала у офицеров все награды, кокарды с фуражек, нашивки о ранах с рукавов, требовали снятия шпор, петлиц и пр. отличий (на рукавах). Были при этом безобразные сцены. Срывали даже георгиевские ленты в петлицах. Одним словом, глумились и тешились над бывшими героями, ранеными и начальниками...

20 апреля. Вчера утром встретил на Гончаровской улице крайне расстроенного И.Я. Яковлева. Он слез со своих

дрожек и рассказал, что учителя чувашской школы и мальчишки делают ему всевозможные пакости...

22 апреля. Умерла скоропостижно в своём особняке разорённая большевиками известная благотворительница Симбирска А.А. Кирпичникова, помогавшая мне выстроить церковь в женской тюрьме. Это была совершенно больная, с переломанной несросшейся ногою старуха, которую один раз уже грабители тащили в тюрьму, но которая тогда от них откупилась. Теперь они потащили её в тюрьму вторично: старуху это так потрясло, что она скоропостижно скончалась.

23 апреля. Заходил Прибыловский – покупать вещи. Купил блюдо за 30 рублей. Помешан на украшении своей квартиры-логвища. Перевернул у меня чуть не всё. Замучил. Мы его напоили чаем. Он живёт впроголодь. Рассказывал интересно о своих трёхкратных путешествиях в Палестину ко гробу Господню (давил вшей, ловя их под платьем). Я хорошо его изучил, и от меня не укрываются его проделки. А когда бываю у него, то он «казнит вшей», как выражается народ, при мне не стесняясь, ловя их, закручивая и бросая на пол. Отвращение!.. А всё же он чище душой, порядочнее многих из тех, кого я знаю в Симбирске из местного дворянства...

26 апреля. Вечер провёл у Яковлевых. И.Я. как будто немного успокоился. Его на время оставили в покое. Чувашская школа отняла у него муку, но выдала ему его капусту (кислую, без которой у него не варит правильно желудок). Телеграмма к сыну профессору в Москву о притеснениях от чувашей действовала. Тот был у самого В.И. Ленина. Яковлев говорит, что в Симбирске большевистским начальством получена от Ленина телеграмма – оставить его, Яковлева, в покое, помня его заслуги чувашскому народу...

28 апреля. Начались, судя по газетам, еврейские погромы – одно из отвратительных проявлений зверств черни-пролетариата, которое всегда глубоко возмущало меня в течение всей моей жизни, как и всякое насилие над человеком, кто бы он ни был.

7 мая. Вчера М.М. Котляревский рассказывал мне, что участвовал в осуждении брата Ульянова, осуждённого на смертную казнь и повешенного, что этот молодой человек вызывал

симпатию своим порядочным, корректным, с достоинством, поведением на суде и что он, Котляревский, даже принял от него, для передачи его матери, предсмертное письмо.

Ко мне робко подошёл хорошо одетый субъект и, сняв шапку, сказал: «Христос Воскресе!» Я с ним похристовался. На мой вопрос он объяснил, что сидел в исправительном арестантском отделении, получил от меня крестик, наравне с другими арестантами, который хранит на память обо мне, что он не забыл ни меня, ни моих наставлений и не забудет их до смерти...

17 мая. Ф.Б. Гец (публицист, педагог, переписывался и полемизировал с Л.Н. Толстым – Н.Ж.) просит выслать ему в Москву муку, крупу и т. п. продукты. Читая его письмо, в ужас приходишь от того, во что обходится вообще жизнь в Москве. Беру на себя хлопоты по пересылке ему продуктов. До чего дошла Россия! Но, видимо, это только преддверие настоящего голода. Голод! Что может быть ужаснее этого слова! А к нам по Волге подбираются не одни германцы, но холера, чума. Тиф уже свирепствует. Живуч род человеческий!

25 мая. Тысячи рублей, полученных мною за старинные вещи, едва хватило на две недели. Пришлось сделать кое-что для детей, закупить муку и т. д. А цены стоят невозможные...

6 июня. Заходила к нам вчера престарелая бывшая сестра милосердия А.И. Филатова. Её приютила у себя начальница Марининской женской гимназии. Так как в гимназии учреждён свой комитет, в состав которого входят швейцар, кухарка, служанки и другая прислуга, то этот комитет потребовал выселения старухи под предлогом, что начальница якобы не смеет отдавать знакомым комнаты в казнённой квартире. Филатову и выселили...

11 июня. Ненавижу ветер, бурю, вообще хаос в природе, как ненавижу всякие народные смуты.

В Самаре чехословаки разгромили большевиков, о чём, конечно, не сообщается в «Симбирских Известиях крестьянских, солдатских и рабочих депутатов». Интересно знать, кто будет править нами, обывателями, если действительно гады ускользнут из Симбирска...

19 июня. ...Вчера я угодил в кузку, под стражу. Но надо рассказать

по порядку то, что произошло вчера. Около четырёх часов шёл домой по Гончаровской улице одетый в китель с погонами, на который была накинута морская накидка Гули (Сергея, сына А.В. Жиркевича. — Ред), совершенно эти погоны закрывающая... Подходит ко мне вдруг субъект в штатском, отталкивающего вида, с двумя солдатами без ружей, и приглашают меня идти с ними в кадетский корпус. Понимаю, что меня арестовывают... Стал спрашивать о причине ареста. «За погоны, которые просвечивают у вас», — ответили мне... Меня уверяли в кутузке, что теперь мне надо ждать обыска... Что же, и на это я готов. Пусть делают, что хотят: совесть моя спокойна.

20 июня. Большевики продолжают грабить тех, кто не уплатил контрибуции. Разгромили они и Мотовиловых. Передают из достоверных источников, что не только тысяч на 20 захватили бриллиантов, золота, серебра, но срывают ценные ризы с икон, срывают золотое шитьё с мундиров, нарочно так, что портили сукно...

22 июня. Вокруг аресты, обыски. Упорно говорят о смертных казнях, якобы совершаемых в Симбирске, так сказать, келейным, упрощённым способом. Сюда бежали уцелевшие от погрома большевики из Самары, Саратова, Казани... Всё это озлоблено на несчастную «буржуазию» и, не разбирая правых и виновных, душит её. В местных «Известиях» постоянно появляются статьи, видимо, припавших поэтов, писателей, прямо призывающих истреблять интеллигенцию буржуазного типа...

26 июня. В Симбирск приходят тысячи так называемых «мешочников», ходивших «за тридевять земель» искать дешёвого хлеба. Но в Симбирске у них этот хлеб, за исключением немногого, отбирают. И вот они ходят из места в место — умолять отдать им то, что принесено для семей, уже голодающих.

30 июня. Странно создан человек! Чужое горе ворвалось в мою жизнь — и я забыл о собственных невзгодах. Котляревский продиктовал мне письмо на моё имя, в котором просит меня, ввиду особых обстоятельств настоящего периода своей жизни, взять на себя хлопоты по его погребению, дал деньги на последнее. Благодарит за то, что я в нём принимаю участие. Вчера он дошёл до того, что сказал: «Если б я мог (болезнь мне мешает), то поклонился бы вам в ноги»...

15 июля. Хватит ли у меня силы духа, чтобы описать то, что я пережил вчера?

По обещанию, данному М.М. Котляревскому заходить к нему ежедневно по утрам, я вчера в 8 с половиной часов утра был уже на квартире Зубцовых, войдя через двор с чёрного входа, чтобы не беспокоить больного старика звонком в парадную дверь... Спокойно я уселся в зале и стал ждать. Прошло с полчаса... Тогда я велел Мане окликнуть через дверь. Он не ответил. На мой оклик — та же мёртвая, ушемляющая душу тишина. В ужасе я пошёл в спальню покойного, и на столе мне бросилась в глаза записка его, в которой он просит в смерти его никого не винить... Взломали дверь в клозете. Мёртвый, совершенно окоченевший труп Котляревского висел на верёвке, привязанной к железному рельсу. Покойный был одет в нижнее бельё... Лицо — белое, совершенно спокойное, как бы блаженно-прекрасное. Со слезами смотрел я на этого страдальца, думая: «Вот всё, что осталось от некогда могущественного, всесильного сенатора, действительного статского советника, кавалера многих орденов...»

22 июля. Я прервал мои заметки, т. к. началось сражение под Симбирском. Оно всё более и более разгоралось. Над нашим домом стали со стоном и воем проноситься снаряды! Все мы сохранили полное мужество и самообладание...

24 июля. В Симбирске опять объявлена власть Временного правительства, провозглашены лозунги: «Учредительное собрание», «Долой большевиков», «Война Германии»...

9 августа. По-видимому, известия об убийстве императора Николая II верны. Таким образом, в будущем в России окажется царь-мученик, которому будут прощены его ошибки и преступления, а зачтутся те муки, позор и испытания, которые выпали на его долю с момента отречения от престола.

10 августа. В Симбирске действительно объявлено военное положение, учреждён военно-полевой суд. Будут судить и за прошлое, и за настоящее. Знаю я это упрощённое, ускоренное правосудие — знаю и содрогаюсь. Прежде душили большевики. Теперь будут душить их... А там... Точно мало делали в России кровопусканий. Удивляешься, откуда у народа хватает сил выбрасывать новые и новые жертвы...

19 августа. Катя продала на крутую сумму своё фамильное серебро. Я тоже продал кое-что из старинных вещей. Таким образом, есть на что купить на зиму запас дров и припасов. В Петрограде при таких продажах-куплях говорят: «Мы съели наше серебро», «Мы сожгли на дрова старинные наши вещи».

23 августа. С кладбища я прошёл кратчайшим путём к Яковлевым... Вчера он мне рассказывал кое-что об Ильминском и Победоносцеве. У последнего он был однажды в Синоде, в его официальном кабинете, в царствование Александра III. Яковлев сказал что-то Победоносцеву насчёт его всемогущества. Победоносцев подвёл его к шкафу с клетками для дел и бумаг, стоявшему в кабинете, и, тыча пальцами в отдельные клетки, заметил, что он и другие кажущиеся всесильными в сущности иногда совершенно бессильны что-либо делать, т. к. для каждого из них указана особая клетка государственного шкафа...

24 августа. Необходимо, чтобы в человеке (если он не хочет умереть при жизни духовно) жила самокритика, сознание того, что он хуже других, способность восторгаться красотой чужого подвига... А главное, надо поставить себя на надлежащее место не только во времени, но и в Родине...

11 сентября. Все эти дни я провёл, так сказать, около прошлого И.Я. Яковлева, т. е. слушаю его рассказы и делая при этом краткие, беглые заметки на кусках бумаги. Заметки я сейчас же, вернувшись домой, по свежей памяти, привожу в систему.

12 сентября. Вчера все, кто мог и кто имеет основания бояться мести большевиков, в панике бросились к парходным пристаням и вокзалу спасаться. Говорят, что разбойники лодочники драли тысячу рублей только за то, чтобы перевезти беглецов за Волгу. Говорили, что все военные должны бежать ввиду того, что большевики, ворвавшись в город, могут всех перестрелять. Какая-то старуха из соседнего с нами дома предложила мне для бегства штатское платье. Но мне в мои лета было бы смешно спасаться от смерти и подло покидать семью...

13 сентября. Вчера, при вступлении большевиков в Симбирск, город точно вымер. Лавки были закрыты. На многих окнах спущены шторы. Наши

соседи Пузыревские куда-то бежали ещё третьего дня... Вообще, спасались в панике, не рассуждая: таково убеждение, что большевики, ворвавшись, всех перережут. Сегодня ночью едва ли кто-нибудь спал спокойно... А Катя моя полна веры в Бога. Я люблю её, мою дорогую спутницу жизни, вечную труженицу, молитвенницу, печальницу... Настоящая Божья свечечка. Дал же мне Бог такое сокровище!

14 сентября. ...Какой во мне ещё сидит неисправимый эстетик, поклонник красоты. Вчера, несмотря на то, что отряд ликующих, певших задорно, украсивших себя красными тряпками красноармейцев и гарцующий впереди них, точно бравлирующий своим большевизмом офицер производили отвратительное в нравственном отношении впечатление, я не мог не любоваться общей картиной торжественного въезда этих дикарей, их молодыми лицами, прекрасными лошадьми, щегольской обмундировкою. Всё было залито солнцем. Красный флаг развевался по ветру. Красиво! Картинно, красиво! Быть может, через день, два и люди, и кони погибнут под ударами чехословацких снарядов. А пока что... на нашей улице, мол, праздник.

17 сентября. Вышел вчера в первый раз, после сидения дома. Прошёл по Гончаровской до «толчка», где купил себе шапку (за неё содрали с меня 45 р., тогда как ранее она стоила бы полтора). Мой первый выход прошёл для меня благополучно. В моей приказчицкой фуражке я, кажется, утратил наружность генерала и стал походить более на жулика.

18 сентября. ...Выбрался сегодня в город для покупки пуговиц, чтобы заменить ими военные. На углах объявление: комиссары Варейкис, Гимов, Швер и другие сегодня на митинге будут направлять чернь на буржуев. Другое объявление прямо обвиняет нас, буржуев, в соглашении с англо-французами, в контрреволюции и т. п. Это я-то контрреволюционер, пригласивший англичан и французов против пролетариев! Стоял у афиши и посмеивался.

20 сентября. ...Много горя причиняет Чувашская школа Яковлеву. А он всё ещё остаётся ей верным. Едем мы третьего дня мимо останков сожжённого аэроплана. А он говорит, что хорошо бы их взять в школу, чтобы ученики имели понятие, что такое аэроплан.

Трогательно такое постоянство в старике: верен своему детищу до конца!

3 октября. Говорят, что значительные армии союзников и чехословаков от Буинска и Мелекеса готовятся к наступлению на Симбирск. Ну, пусть всё будет так, как Богу угодно. А пока что я и сегодня утром пойду к Яковлеву вытягивать из него воспоминания...

11 октября. Взята Самара! Я даже рад. Кончается чехословацкая авантюра, наделавшая столько шума и лопнувшая, как мыльный пузырь. А мы всё ждали новой войны под Симбирском, новых расстрелов, убийств, грабежей...

Екатерина Константиновна Жиркевич

18 октября. Вчера в Симбирске большевики одержали огромную, главное, безопасную победу над монархией: сволокли с пьедестала статую императора Александра II. Жаль, что я про это не знал. А то пошел бы полюбоваться торжеством варваров. Маня, проходя, видела – какой-то дикарь, забравшись на стацию, держал голову императора между ногами, вероятно, для глумления. Бедный Освободитель миллионов от рабства! Вот когда с ним покончили навсегда...

25 октября. Делегация от чувашей, приехавших из Казани, свергнув Яковлева, уехала. Стоявший во главе её чуваш, как рассказывал мне Яковлев, явился к нему и стал его успокаивать, предлагая ему разные милости в отставке. И.Я. Яковлев рассердился, назвал его «паршивым чувашонком»,

заявив, что от такой дряни он милостей не желает получать и не примет.

30 октября. Сейчас заезжал ко мне Яковлев. Привёз показать телеграмму из Москвы, исходящую от Ленина, хотя и подписанную другим лицом, в которой приказывается восстановить Яковлева в прежних его правах по Чувашской школе. Как не крикнуть: «Спасибо Ленину!»

10 декабря. В жизни моей неожиданно произошёл перерыв: с 27 ноября по 5 декабря я был лишён свободы советской властью. За что, я и сам не могу догадаться. Хотя официально меня обвинили в укрывательстве шпиона... Яковлев отправился к комиссару Левину. Выразил ему уверенность в моей невиновности и добился того, что тот экстренно познакомился с моим делом. ...Комиссар мне заявил, что я свободен.

13 декабря. Что делать? Варвары разрушают Гончаровскую и Карамзинскую библиотеки, растаскивают их по районным библиотекам. Особенно жалко Карамзинской библиотеки, в которой хранились редчайшие издания...

22 декабря. Сейчас приезжал ко мне И.Я. Яковлев – со свойственным ему упрямством привозил ещё какой-то документ на право получения мною ещё 900 р. за писарские занятия в Чувашской школе. Я, конечно, не принял и этих денег... Я рад, что старик на меня не сердится. А у В.С. Соловьёва в некрологе протоиерею Иванцову-Платонову сказано: «Достойная оценка человека определяется не тем, что он сделал, а тем, какой был преобладающий характер его воли».

1919 г.

4 января. Скверная старая привычка по-праздничному встречать праздники. Так и у нас в семье живут воспоминаниями о том, как, где и когда радостно встречались праздники. Нам захотелось порадовать чем-нибудь детей! И Катя повела вчера Капошу и Тamarочку в концерт, посвящённый Бетховену, в начале которого профессор Абутков читал краткую биографию великого композитора. Все мои вернулись радостные, освежённые...

5 января. ...Катя твёрдо надеется на Бога. Не могу равнодушно видеть, как, идя на базар, она, зажав в руке кошелек, отвечает перед иконами поклоны,

просит Божьей помощи при покупках. Откуда у неё берутся силы, физические, конечно?! А силы духа (вера, надежда, любовь) у неё неисчерпаемы...

17 января. Местной советской властью издан декрет о взятии на учёт, а если нужно, то и захвате художественных, научных, исторических ценностей, находящихся в частных руках. Недурно – после года уничтожения всеми варварскими способами архивов, библиотек, художественных ценностей. Если придется сюда Алексей Иванович Яковлев, состоящий хранителем Румянцевского музея, то я, быть может, всё отдам в Москву, под его охрану. Ведь не для себя же я всё это храню!

25 января. В городе закрыты все бани. Ни сахара, ни дров, ни паточных конфет к чаю. Одним словом, всюду, куда сунулись коммунисты, – разруха, скандалы и замирание жизни.

31 января. Сидим без керосина, без сахара и т. д. Пьем чай с сахаринном, а для экономии освещения жжем церковные свечи (самая тонкая стоит 60 коп.). Деньги, вырученные за проданные вещи, тают. Между тем благодаря моему генеральству мне не дают никакой платной работы. В квартире у нас холод – 8–10°...

5 февраля. Большевики забрали банный вопрос в свои руки... И что же? На голову их сыплются новые проклятия. Для того чтобы попасть в баню, надо встать в огромный хвост и получить на право входа номер. Чтобы попасть в предбанник-раздевальню, – та же история, чтобы получить в самой бане мойку для горячей воды – новая очередь. В результате приходится 4–5 часов протомиться в ожидании. Вот ад.

7 февраля. У Цветковых был на днях комиссар станции Рузаевка Суворов. Он рассказывал о том, что недавно проехал через станцию нарочно-военный комиссар Троцкий. Поездка его обставлена по-царски. Особый поезд, особый, чуть не царский вагон, особая стража в вагоне, при выходе из вагона. Предварительные телеграммы по линии железной дороги – о приезде этого большевистского величества или высочества! К приезду Троцкого солдаты ударами прикладов, угрозами расстрела, бранью очистили площадку от полужамёрзшей, полуголодной толпы, для того чтобы она не удручала взоров проезжающей особы...

21 февраля. Нас всё уплотняют и не могут уплотнить. Появляются всё новые личности-кандидаты на жильцов – в освобождённую мною сырую, холодную, неудобную комнату...

23 февраля. Сегодня Красная армия в Симбирске празднует годовщину своего существования. Вчера, к вечеру, по городу ходили солдаты, совали публике красные бумажные звёздочки и зазывали «пожертвовать на Красную армию?» Ко мне подошёл с таким предложением симпатичный юный солдатик. Я дал ему рубль. Он суёт мне звёздочку. «А куда я её, голубчик, дену?» – говорю ему. «Куда знаете». Взял у него звёздочку и спрятал в кошелёк. Как бестактно заставлять солдат выпрашивать подавание!..

5 марта. Ивана Яковлевича Яковлева по доносу какого-то паршивого чуваша таскали в Чрезвычайную следственную комиссию для допроса. Бедный демократ, педагог, общественный деятель, 50 лет тянувший чувашей за уши из грязи язычества и мрака невежества, которого эти же чуваша теперь травят и изводят всяческими глупыми, подлыми доносами...

12 апреля. В семье нашей царила одна черта – доброта... Вот и моя бедная Маня нашла себе утешение в возне с обездоленными судьбою детьми бедняков, работая в каком-то убежище, куда сводятся на день такие дети...

3 мая. Имел вчера радость получить письмо. А.Ф. Кони сообщает о том, что читает в трёх учебных заведениях, что написал несколько этюдов о Тургеневе, Арсеньеве, что читает, между прочим, новый предмет – «Этику общежития», что рад быть полезным молодёжи и в это ужасное время. Письмо это удивительно ободряюще на меня подействовало...

Вчера приехал в Симбирск сын И.Я. Яковлева профессор Алексей Иванович. Я зашёл, и мы впервые увиделись. Молодой Яковлев благодарил меня за отношение к его отцу, и мы даже с глазу на глаз поцеловались. Он привёз полномочия по части взятия под охрану и спасения архивов, коллекций и т. п.

4 мая. А.И. Яковлев рассказывал отцу, а тот мне, что в храме Христа Спасителя он встретил сестру В.И. Ленина. Та рассказывала, что брат её кому-то из окружающих сказал: «Меня повесят за идею, а вас за грабежи и воровство!»

31 мая. Удивительная у большевиков логика. Им кажется, что новый мир погибнет, если возьмут хотя в чём-либо пример со старого. И убого мысля на этой почве, они стараются всё повернуть «шпворот навыворот». Так делается ими по всей России. Разгромили мелкую торговлю, а теперь кричат о том, что её надо было бы сохранить. Разгромили, обратив в казармы, барские особняки – вместо того, чтобы устроить в них лазареты. Озлобили мужиков, а теперь рвут на себе волосы, видя результаты такой политики... Одним словом, погубили Россию и мечтают о её спасении...

2 июня. Был сегодня в коммунистической парикмахерской (на бывшей Гончаровской ул.). Так как их всего на весь город лишь две, то хаос, грязь, очереди ужасные. О дезинфекции щётки, бритвы, ножниц и т. п. нет и речи, о переносе белья тоже. Полный риск заполучить в голову вшей, заразиться паршами, сифилисом и др. болезнями. В ожидании очереди (у меня был № 42) я наблюдал нравы и незнакомую мне обстановку... Я готов примириться с коммуной, даже такой уродливой, как русская, но не примирюсь со вшами.

3 июня. Встретил на улице идущего без проводника слепца-каторжника Соколова, того самого, которого я во время монархии освободил из тюрьмы, подав заявление министру юстиции о нём и ещё двух ослепших в тюрьме, доказав, что заставлять отбывать каторгу слепым и глупо, и жестоко, и несправедливо... Он по-прежнему занимается сапожным мастерством. Звал меня посетить его. Говорил, что часто вспоминает.

5 июня. Сегодня я зашёл отдохнуть в загаженный Карамзинский сквер и убедился в том, что варварски выдраны медные буквы из цоколя памятника, которыми 70 лет указывалось, что памятник воздвигнут по велению императора Николая I...

6 июня. Нужда нас всё более и более гнетёт. Маня уже несколько месяцев служит в каком-то приюте для бедных детей. Катя поступила в какую-то канцелярию. Тамарочка тоже будет работать в детском саду... Дети ходили на прогулку в Киндяковку, бывшее имение Перси-Френч, связанное с гончаровским «Обрывом». Они рассказывают, что усадьба разорена, сад испорчен, а дом и другие строения сожжены варварами XX века.

16 июня. Кто чем занят. Мир пылает безумием, а я собираю материалы о том, как создавалась школа чувашская. Каждая мелочь мне кажется важной, увлекает, радует. Видишь, как творится великое, настоящее дело. Снёс рано утром на моё милое военное кладбище воззвание к посетителям в рамке и сам прикрепил его к колокольне.

23 июня. Из Москвы и Петрограда приходят потрясающие вести о голоде и болезнях. К Симбирску подкрадывается голод. Грязь всюду невыразима. Будет милостью Божьей, если мы всё это благополучно переживём. А судя по газетам, и в столице, как и в Симбирске, лекции, концерты, гулянья, музеи, танцы и т. п. увеселения. Точно все сбесились... Кажется, счастьем было бы уйти из этого Содома и Гоморры. Но вера в лучшую будущность России заставляет хлопотать о музее, приводить в порядок чужие альбомы, заботиться о личном архиве, коллекциях...

24 июня. А вот рассказ о том, что в эту зиму творилось в Ставрополе. Там большевики нахватили до 1000 человек, якобы виновных в контрреволюции, но, в сущности, ни в чём не повинных мирных граждан. Решено было очистить от них тюрьмы, т. е. убить их. Расстрел оказался слишком слабым наказанием. Придумали утопить в реке... Среди них нашёлся мужественный священник. Он старался поднять упавший было дух приговорённых к мучительной смерти узников, доказывая им, что смерть для них должна быть радостной, т. к. они гибнут невинно, причастил их, исповедал... Их действительно свели к проруби и утопили, причём топили в одной проруби до тех пор, пока она не наполнилась, а затем переходили к другой...

5 июля. Солдаты-красноармейцы зовут митинговых ораторов «корателями», не подозревая, что выказывают своё остроумие... Сколько детей, подростков среди них!.. Вчера через город тянулись обозы, и на возах опять дети с ружьями, с патронами... Один из них подходит к мужику – закурить. Тот долго колебался, с презрением разглядывая карапузика. Наконец удостоил его вниманием. «Зачем ты куришь? – говорю малышу. – Ведь тебе вредно. Наживёшь чахотку». – «Мне нешто, – отвечает он, – курю с 8 лет. А мне уже 16 лет». – «То-то ты, брат, такая холера по виду». – «По виду? Я и девок давно знаю». – «Далеко, брат, уйдёшь, если не будешь в могиле».

5 августа. Третий день как я дома. В первый раз встал, сижу в кресле и пишу. Конечно, среди своих, любящих, лучше. Но апатия не проходит. Вот что значит болезнь, да ещё такая серьёзная, как натуральная оспа!

6 августа. Сколько любви и внимания ко мне вызвала моя болезнь. Яковлевы спешили порадовать меня чем-либо, делясь со мной сахаром, булками... Детки мои присылали мне цветы. Всё это трогало, особенно ввиду того, что я был приготовлен к смерти.

Дети А.В. и Е.К. Жиркевичей
Сергей и Варя

10 августа. Катюша моя святая пошла в церковь за меня молиться. Пока я был болен, она отговела, служила молебны (всё из-за меня). Знаю, что хорошо у неё сейчас на душе. Как же я могу не любить, не чтить православие, если русский народ века жил, дышал им, во имя его совершал великие подвиги, да и сейчас хранит это самое православие, несмотря на гонения, на него возведённые? И Л.Н. Толстой в тайниках души не мог отрешиться от поэзии православия. Вот почему его тянуло в паломничество, в монастыри, к старцам, в толпу православно-верующего серого народа. Тут он чувствовал, что он – русский, «православный»...

17 августа. Посетили меня старики Яковлевы. Сделана попытка выселить Яковлева с квартиры – всё по доносу чувашей. Старик был потрясён, когда ему предложено было убраться из здания, из местности, где всё создано

его руками, где протекла почти вся его жизнь...

Сообщил он мне о том, что миллионер Шатров сидит в сыром подвале бывшего дома удельного ведомства будто бы за глупое заявление, сделанное советской власти. Ему вздумалось подать заявление в том смысле, «что всё это я жертвую советской власти и прошу за то увеличить моё содержание». Этого было достаточно, чтобы такого крупного «буржуя» засадить в темницу. Яковлев, помня, что Шатров около 120 тысяч пожертвовал на одну лишь Чувашскую школу, поехал хлопотать за Шатрова...

10 сентября. Милый И.Я. Яковлев приезжал вчера вечером (а днём я был у него), привёз мне 10 фунтов сейки (муки), которые мне отпущены из продовольственной управы как больному, по докторской записке. Старик трогательно ко мне внимателен и мил. Когда захожу к нему, он всегда старается меня чем-либо накормить, напоить...

1 октября. Так как И.Я. Яковлева усиленно, всеми способами выселяют с квартиры, то я предложил ему услуги в разборке его бумаг и два дня возился с его архивом. Быть может, Яковлев и теперь удержится в квартире. Но при мне приходит третьего дня милиционер, требуя, чтобы он скорее очистил квартиру...

5 октября. Сегодня что-то плохо спалось... И мысль о моей близкой смерти сама собой вползла в голову... Надо же когда-либо умереть, как все. Усталый мозг даже составил духовное завещание детям. Завещаю им, по примеру старца апостола Павла, могшего связать лишь несколько слов от дряхлости, – «любить друг друга». Кроме того, завещаю им любить: 1) Бога, 2) Родину-мать, 3) родную мать, 4) страждущих и обременённых, 5) врагов и нас ненавидящих, преследующих...

6 октября. Наступили холода. А мы без дров, с выбитыми в нескольких окнах стёклами...

7 октября. Посылаю каравай хлеба А.А. Коринфскому. Дойдёт ли? И в каком виде? Нам он обошёлся более 180 р. – 12 фунтов. Но если в Лигове, где живёт поэт, 1 фунт хлеба стоит 100 р., то мой каравай стоит более 1000 р. Как жить при таких бешеных ценах на хлеб в России, которая считалась житницей Европы?

9 октября. Яковлев получил официальную бумагу из особого отдела штаба Восточного фронта о том, что он может остаться в квартире при условии не вмешиваться в дела семинарии и платить за квартиру. Конечно, он согласился на эти условия и дал подписку. У Яковлевых отняли столовую под комнату для педагогически-хозяйственных совещаний. И.Я. ко всему относится по-философски, с достоинством...

13 октября. ...Получил от Саши Измайлова (А.Н. Измайлов – троюродный брат Жиркевича, племянник М.И. Глинка, певец, основатель музыкальных школ в Смоленске и Рославле, автор брошюры о М.И. Глинке «Музыка – душа моя». – Ред.) его продолжение воспоминаний. Он пишет, что его выселяют с квартиры, что находящиеся у него вещи М.И. Глинка в опасности... Значит, и в Рославле такие же порядки, что и в Симбирске. Бедный Саша! Детство его было обставлено по-царски. Но какая печальная, полная нужды и тревог старость!..

3 ноября. ...Утром я молил Бога дать нам денег на покупку дров, а часам к двум пришли татары – купили у нас серебро. К вечеру пришёл Прибыловский и купил у меня старинные вещи. Таким образом, завёлся у нас фонд в 2400 р. На эти деньги мы купили дров. Благодарение Господу за помощь. Молюсь и за отца Зосиму, к содействию которого я обращался.

4 ноября. В квартире нашей не топлено. А на дворе 7 градусов мороза. Рука холодеет так, что едва могу писать. Купили дров, один возик (около 1/3 сажени), притом сырых, заплатив за них 1200 р. и отдав в придачу стакан соли, что стоит теперь 150–170 руб. Поневоле приходится экономничать с дровами. Был у меня сегодня И.Я. Яковлев. Я его держал в шубе и калошах. Впереди 4 месяца таких мук – в холоде. Что-то с нами будет? Бедная Катя и дети... Вспоминаю стансы Пушкина, я их перефразирую на советский лад: «Или тиф меня подцепит, иль мороз остекленит? Или мне зря пулю влепит пролетарский паразит?»

16 ноября. Свобода – миф. Остаться на свободе – чудо. Только и слышишь об арестах и насилиях. И так по всей России. Судя по газетам, «белые» делают то же самое. Где она, Россия?

На дворе после 13–14° мороза – оттепель. Снегу навалило кучи. ...Вчера

Мане исполнилось 20 лет. Мы ничем не отметили этого семейного праздника – и по отсутствию средств, и потому что настроение у всех далеко не праздничное. Зима только начинается, а мы уже чувствуем, что сидим в её цепких лапах.

17 ноября. В женском монастыре мрут несчастные монашенки от тифа, занесённого теми монашенками, которых насильно посылают ухаживать за больными сыпным тифом. Ну, разве это не христианские мученицы?..

20 ноября. У Яковлевых и холодно, и чувствуется нужда. Иван Яковлевич, на правах старца, которому всё подаётся в готовом виде, относится к своему положению по-детски добродушно...

30 ноября. В нашу и без того тесную, неудобную, холодную квартиру втиснули семью рабочих в пять человек и ещё двух таинственных незнакомец. В квартире, благодаря этому «уплотнению», сразу же воцарились беспорядок, грязь и вонь... А всё-таки душа человеческая в этом хаотическом ужасе ищет около чего бы ей отогреться, чему бы порадоваться... Саша Измайлов пишет для меня свои мемуары в крошечной квартирке, куда его, племянника М.И. Глинка, выбросили...

4 декабря. ...У нас на кухне живёт старый облезлый кот, вечно голодный, а потому вороватый... Третьего дня кот этот украл лёгкое, предназначавшееся в кушанье. Его поймали на месте преступления, били, трепали, чтобы вырвать у него кусок. А он, закрывши глаза и защищаясь лапами, так сжал добычу во рту, что её у него отняли, только подставив его голову под кран с холодной водой. Сцена эта разогнала на время наше мрачное настроение...

5 декабря. А зима свирепствует. В газетах вопли сменяются одни на другие... «Все на борьбу с тифом!», «Все на борьбу с голодом!», «Все на борьбу с отсутствием дров!» Главное, интересно то, что те, кто так кричит, отлично устроились по разным советским учреждениям, имеют и дрова, и пайки...

13 декабря. Сегодня я узнал в комиссариате, что мне назначена пенсия в 840 р. в месяц. В прежние времена это было бы залогом материального обеспечения. А теперь что сделаешь на эти деньги, когда воз сырых дров стоит

1500 р. и более?! Всё же я благодарю советскую власть за внимание к моим недугам и нужде.

21 декабря. Моей Катюше (дочери) через комиссариат здравоохранения, где она служит, продали за 200 р. валенки. Слава Богу, что Советская власть обратила, наконец, внимание и на таких, как она, скромных служащих...

26 декабря. ...23 числа ко мне явился вечером комиссар Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией, в сопровождении конвоя, с ордером. Произвёл у меня в вещах и бумагах обыск, а затем, арестовав меня, свёл под конвоем в чрезвычайку, где я и пробыл под арестом двое суток... Сидел я в той же кутузке, где до меня сидели архиепископ Тихон и анархисты... В то время, когда заключённые к нему относились с подобающим почтением (в том числе и анархисты), явился какой-то комиссар и, встав в каземате перед сидевшим на нарах Тихоном, стал при всех читать кощунственное сочинение против Божьей Матери, святых, церкви. Тихон сидел молча, не протестовал, а в самых кощунственных местах благоговейно крестился, чем окончательно уничтожил наглеца-издателя, ожидавшего совсем иного эффекта. Когда Тихон уходил из каземата, будучи освобождён, то обратился к анархистам со словами: «Прощайте! Милые вы люди, гг. анархисты! Буду за вас Богу молиться!»

29 декабря. На улице вывешено объявление о надвигающейся чуме (говорят, что уже были отдельные случаи заболевания со смертельным исходом и в нашем городе). На Ленина будто бы было совершено какими-то мерзавцами-анархистами новое, к счастью неудачное, покушение. Поэтому по всей России изловили и засадили в темницы анархистов...

31 декабря. ...Как Ф.М. Достоевский нашёл на каторге «настоящих людей», очищенных страданиями, так и я всюду благодаря ненормальной обстановке встреч и отношений видел то чудное, христианское, что таится и светит в русском человеке. Благодарю Бога за то, что он меня, сажившего когда-то ближних в заточение, заставил самого три уже раза пройти через эти испытания, снова дав возможность увидеть то хорошее, что «сквозит и тайно светит в наготе твоей смиренной» (русского народа).

(Продолжение следует)